

ВВЕДЕНИЕ

Вот, новый поворот

ОБОРОННЫЙ ТИП СОЗНАНИЯ — ЧЕЛОВЕЧЕСТВО МЕНЯЕТ СВОЙ ОБЛИК —

ИНФОРМАЦИОННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КОРЕЖИТ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ —

ТВОРЧЕСТВО СТАНОВИТСЯ НЕОБХОДИМОСТЬЮ: ЧТО С МЫШЛЕНИЕМ? —

ПРИРОДА ПЕРЕФОРМАТИРУЕТ ОТНОШЕНИЯ С ЧЕЛОВЕКОМ

ОБОРОННЫЙ ТИП СОЗНАНИЯ. Россия вместе со всем миром вошла в глобальный экономический кризис.

Строго говоря, в точных терминах экономической науки надо говорить не о кризисе, а о депрессии — длительном периоде нехватки коммерческого спроса для нормального развития хозяйства, что угнетающе действует на все без исключения сферы общественной жизни. Однако в обыденной жизни мир предпочитает использовать слово «кризис» — и как более понятный, и как менее пугающий. В рамках настоящей книги мы поступим так же, тем более что кризис, в который вошло современное человечество, носит значительно более масштабный и всеобъемлющий характер, чем те или иные сколь угодно фундаментальные явления в экономике. По сути дела речь идет о коренном изменении самого характера взаимодействия человечества с природой, требующем принципиального изменения всего внутреннего устройства современных человеческих обществ.

Это крайне важная и интересная тема, но оговоримся сразу: в контексте данной книги она интересует нас с глубиной практической точки зрения — каковы будущие возможности нашей страны и нашего общества, открывающиеся в ходе этого кризиса.

Разумеется, мы далеки от шапкозакидательства: кризис означает прежде всего крайне болезненное обострение целого ряда старых проблем, а также появление многих новых. В целом он приведет к ужасному ухудшению условий жизни огромного количества людей.

Более того, в России этот кризис, как бы нам ни хотелось обратного, будет еще более длительным и болезненным, чем в развитых странах. Причины этого лежат на поверхности: неэффективность общественного и корпоративного управления, разрушенная инфраструктура, экономика, ориентированная на наименее перспективную экспортно-сырьевую модель, искусственное поддержание массовой бедности и, соответственно, форсированная деградация главного богатства всякого государства — человеческого капитала.

Однако близкие, наиболее негативные последствия нарастающего в стране кризиса в общем и целом вполне понятны — именно из-за его объективности и практической неизбежности. Об этих последствиях стоит думать, их надо пытаться смягчить, к ним следует готовиться, но они запрограммированы всем ходом развития последнего, постдефолтного, десятилетия и в общем все равно что уже случились.

Действительный интерес представляют чуть более отдаленные события, о которых общество, напуганное своими текущими неприятностями и контуженное страхом перед неумолимо надвигающимся на него кризисным

будущим, практически не задумывается: события, связанные с нашим коллективным выходом из кризиса.

А между тем именно эти события, с одной стороны, поддаются наибольшей корректировке прямо сейчас при относительно небольших затратах времени и сил, а с другой — открывают перед нами наибольшие возможности, о которых занятое боязнью и выживанием общество сейчас практически не думает, несмотря на то что их надо осознать как можно раньше и как можно более полно — просто для того, чтобы их не упустить и успеть воспользоваться ими наиболее эффективно.

Мир создают отнюдь не кризисы, но процесс выхода из них, и российское общество, уделяя непропорционально мало внимания своему посткризисному развитию, если и не лишает себя возможности управлять собственным будущим, то во всяком случае существенно ее ограничивает.

Отсутствие видения собственной стратегической перспективы поневоле концентрирует внимание на ближайших событиях, а в ситуации, когда «процветание 2000-х», каким бы спорным оно ни было, в целом закончено, это ведет к излишнему запугиванию и даже деморализации общества.

Кроме того, искусственное сужение поля зрения общества, его ограничение ближайшей перспективой весьма серьезно мешает заниматься даже практическими, насущными делами.

Погрузившись исключительно в текущие, сиюминутные проблемы, не понимая базовых, масштабных, фундаментальных процессов общественного развития, многие вопросы нельзя не только правильно решить, но даже правильно сформулировать.

Думая только о близком будущем, не уделяя должного внимания стратегической перспективе, наше обще-

ство запугивает и обезоруживает себя в глобальной конкуренции.

Настоящая книга написана для того, чтобы, отнюдь не пытаясь затушевать масштабы проблем и опасностей, заглянуть за предстоящий нам исторический поворот и оценить, как, за счет чего и в каком виде мы сможем выйти из нынешнего кризиса и на что в предстоящем нам «дивном новом мире» сможем рассчитывать.

Само собой разумеется, понимание этого — пусть даже достаточное общее, а в чем-то и неминуемо неточное — позволит нашей стране и обществу действовать более осмысленно и целенаправленно и тем самым даст нам дополнительные стратегические преимущества.

Вторая задача данной книги заключается в том, чтобы хоть немного отвлечь российское общество от ставшего естественным для него за последние 20 лет «оборонного» типа сознания. Его носители воспринимают окружающий мир исключительно с точки зрения потенциальных опасностей, заставляя пугаться и вздрагивать при малейшем намеке на проблему в полном соответствии с принципом «пуганая ворона куста боится». Понятно, что при этом потенциальные возможности, которые обычно являются оборотной стороной потенциальных опасностей, игнорируются напрочь — и человек или общество, одержимые этим пагубным подходом, проходят как слепые мимо самых привлекательных возможностей.

Порочность этого типа сознания заключается и в том, что оно автоматически ставит своего носителя в положение стратегической обороны, со 100-процентной вероятностью обеспечивающее поражение в любой, и тем более в глобальной, конкуренции.

Мы все должны снять с глаз шоры застарелого испуга, стряхнуть с себя оковы двадцатилетней усталости и научиться активному, творческому, по-хорошему агрессивному восприятию действительности, характерному ныне лишь для некоторых успешных бизнесменов.

Это тяжелая во всех отношениях работа, которая потребует длительного времени и колоссальных усилий, но она абсолютно необходима для нашего общества, главной преградой успеха которого в глобальной конкуренции является именно его стратегическая пассивность, жестко заданная «оборонным» сознанием.

Мы должны думать о будущем — не только о том, которое находится у нас под самым носом и вот-вот уже свершится, но и об отдаленном, являющемся нашей стратегической перспективой, в наибольшей степени изменяемом нашей волей и знанием.

Мы должны думать об этом будущем активно, стремясь в первую очередь не уклониться, а то и вовсе спрятаться от грядущих опасностей, но выжать все до последней капли из каждой имеющейся в нем возможности.

ЧЕЛОВЕЧЕСТВО МЕНЯЕТ СВОЙ ОБЛИК. История жестоко шутит с теми, кто придает себе и тем более своим бедам слишком большое значение.

«На свете нет ничего “самого”», — сказал как-то детский писатель. То, что мы переживаем как конец света, может быть не только его началом, но и мелким, совершенно незначимым обстоятельством, о котором уже через несколько лет (а десятилетий — так и подавно) и думать забудут в свете величия разворачивающихся событий.

Это относится и к разразившемуся глобальному финансовому кризису.

Да, для попавшего в его жернова мира сейчас нет ничего более важного.

Но при всей своей эффектности глобальный финансовый кризис является лишь внешним проявлением значительно более глубокого и масштабного, практически всеобъемлющего изменения человечества, подобно тому как незначительные высыпания на коже могут свидетельствовать о глубочайших внутренних изменениях организма.

Человечество начало глобальный переход к качественно новому состоянию, принципиальной иной организации общества, отличающейся от той, к которой мы привыкли и с которой традиционно себя отождествляем.

Поскольку мы находимся лишь в самом начале этого пути, то можем выделить лишь некоторые его направления. Они проявляются первыми и сегодня кажутся нам ключевыми просто в силу своей очевидности и наглядности. Однако нет никакой гарантии, что через некоторое время, по мере прояснения общей картины, они не окажутся второстепенными или даже вовсе случайными, не имеющими прямого отношения к происходящим фундаментальным процессам.

ИНФОРМАЦИОННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ КОРРЕЖИТ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ. Организация человеческого общества определяется структурой его управления или — на уровне местных сообществ и всего человечества в целом — самоуправлением.

И вот эта-то структура управления оказывается все менее дееспособной, причем ее вполне наглядно разрушает сам технологический прогресс, а в наиболее общем виде — информационная революция.

Прежде всего информационный взрыв уже второй раз в истории человечества (после изобретения Гуттенбергом

книгопечатания) качественно увеличил объем имеющейся информации. Соответственно качественно же увеличилось и количество людей, самостоятельно интересующихся абстрактными (т. е. не имеющими отношения к текущим нуждам практического выживания) темами.

Как и во времена развития книгопечатания, сложившиеся в прошлой реальности системы управления (включая официальную науку, выродившуюся из процесса поиска новых истин в процесс подтверждения нюансов истин старых) не могут переработать такой объем информации и «переварить» такую массу относительно самостоятельных людей.

В результате они начинают «сбоить», вызывая общественные катаклизмы, в горнилах которых и выковывается новая система организации человеческого общества. В прошлый раз это были чудовищные религиозные войны (в ходе Тридцатилетней войны население Германии сократилось вчетверо), увенчавшиеся Вестфальским миром, выработавшим современный тип государства.

Как будут развиваться текущие события, пока неизвестно, ясно лишь, что основные предпосылки для переформатирования человеческого общества уже сложились.

Существенно, что в ходе глобализации возник и понастоящему уникальный феномен, который не проявлялся никогда раньше за всю наблюдаемую историю человечества.

Дело в том, что те самые технологии, которые максимально упростили все виды человеческой коммуникации (что, собственно, и лежит в основе феномена глобализации), превратили процесс формирования человеческого сознания в наиболее выгодный из общедоступных видов бизнеса. «Общедоступный» и одновременно «наиболее выгод-

ный» — означает массовый и, строго говоря, основной вид деятельности если не всего человечества, то, по крайней мере, его развитой и успешно развивающейся части.

Это качественное изменение почему-то, как правило, упускается из виду теоретиками глобализации, а между тем оно представляется фундаментальным, так как меняет сам характер человеческого развития. Если раньше, на всем протяжении своего существования, человечество выживало и развивалось за счет преобразования окружающей среды, то теперь оно впервые начинает — во всяком случае, пытается — выживать и развиваться за счет изменения самого себя.

Да, экологи, возможно, взвоят от восторга: человечество, вероятно, ощутив приближающиеся пределы допустимого антропогенного воздействия на природную среду, начало само приспособлять себя к ней. Это еще больший триумф природоохранного подхода, чем добровольный массовый отказ от благ цивилизации.

Однако не стоит забывать, что формирование человеческого сознания на всех уровнях его существования — от индивидуального до группового — осуществляется стихийно, хаотично и, строго говоря, случайно. И при этом не известна не только степень соответствия этого сознания реальности, но и степень его простой устойчивости.

Вероятная утрата или существенное ограничение способности человечества к познанию по причине того, что главным объектом хаотического и случайного воздействия становится непосредственный инструмент этого познания, ставит серьезный вопрос о перспективах существования.

Можно, конечно, представить себе, что функции познания и сознательного реагирования поднимаются на уровень более высокий, чем индивидуальное или группо-

вое сознание крупных коллективов и даже народов, граничащее с введенным Вернадским понятием ноосферы. Отдельный человек теоретически может быть элементом мыслительного контура такого коллективного сознания и в то же время совершенно не замечать и не воспринимать его. Собственное сознательное значение отдельного человека для всего человечества в рамках такой гипотезы может быть ограничено генерированием эмоций — функция, к выполнению которой человек наиболее приспособлен по своим психофизиологическим характеристикам и которая, возможно, является его подлинной миссией с точки зрения всего мироздания. Однако эта гипотеза не просто слишком смела, но и принципиально недоказуема,

Вполне доказуемо иное повсеместно наблюдаемое следствие стремительного и повсеместного распространения технологий формирования сознания — драматическое снижение эффективности систем управления в результате вынужденного использования ими этих технологий, к которым они органически не приспособлены.

Конкретные последствия многообразны. Наиболее значимыми представляются следующие:

- самопрограммирование, при котором управленец и система управления в целом начинают истово верить в собственную пропаганду, даже если они начинали ее осуществлять, четко понимая ее недостоверность;
- переход от управления изменением реальности к управлению изменением ее восприятия;
- принципиальный отказ от восприятия реальности в пользу восприятия ее информационного отражения (в первую очередь в СМИ);

- резкое снижение уровня ответственности;
- резкое ограничение и снижение качества «обратной связи» системы управления с управляемым обществом.

С разной степенью остроты описанные последствия наблюдаются почти во всех управляющих системах, включая такие страны с совершенно разными, но еще недавно исключительно эффективными системами управления, как США и Китай, — и везде ведут к драматическому падению качества управления.

В частности, для китайского руководства оказались полной неожиданностью не только «тюльпановая революция» в Киргизии — стране, которую оно рассматривало как естественную сферу своего влияния, но и волнения буддистских монахов в Тибете в августе 2008 года. Кроме того, технологический рывок, вынужденно начатый Китаем после завершения Олимпиады-2008, из-за того что при существующих технологиях Китаю не хватит воды, почвы и энергии, предусматривает замену технологий на более совершенные и менее энергоемкие даже в тех случаях, когда сохранение старых с коммерческой точки зрения является вполне оправданным. В силу своего нерыночного характера этот технологический рывок носит, строго говоря, непредсказуемый характер, что признает часть китайских аналитиков и что было бы немыслимо в Китае еще несколько лет назад.

Еще более драматическая картина наблюдается в США, где совсем недавно искусство стратегического планирования и кризисного управления (т. е. управления тем или иным процессом при помощи специально организуемых кризисов) было возведено на недостижимую, казалось бы, высоту. Начиная с агрессии против Ирака в 2003-м мы

видим постепенную, но неуклонную деградацию этой системы, которая в конце концов выродилась в управление с горизонтом планирования «до следующих президентских выборов». Об этом свидетельствует вся экономическая политика после начала ипотечного кризиса в июле 2006 года, подчиненная единственной цели, — не напугав американское общество, оттянуть прокол «ипотечно-деривативного пузыря» и, соответственно, дестабилизацию экономики до президентских выборов 2008-го. Бесспорно, постановка данной цели заметно усугубила последствия кризиса — и при этом ее все равно не удалось достичь!

ТВОРЧЕСТВО СТАНОВИТСЯ НЕОБХОДИМОСТЬЮ: ЧТО С МЫШЛЕНИЕМ? Повсеместное распространение компьютеров качественно повышает значимость творческого труда, связанного с внелогическим мышлением, основанным не на последовательном применении логических умозаключений, а на озарениях, мышлении не тезисами, но образами.

В самом деле: ведь компьютер предельно формализует логическое мышление и доводит его до совершенства, недоступного человеку, — примерно так же, как калькулятор доводит до совершенства использование непростых, в общем, арифметических правил.

Мы еще застали время, когда учителя в школах категорически запрещали использование калькуляторов, чтобы школьники сами научились умножать и делить в столбик. Но сегодня такое умение практически не нужно: эту работу значительно лучше и надежнее человека выполняет калькулятор — нужно правильно сформулировать задачу.

То же самое, что калькулятор сделал с арифметикой, компьютер уже в обозримом будущем, скорее всего, в ближайшем десятилетие, сделает с формальной логикой как таковой.

Это будет означать, что на долю человека выпадет недоступная компьютеру компонента мышления — мышление не логическое, но творческое, на основе которого будет преимущественно осуществляться конкуренция людей в рамках тех или иных коллективов и обществ.

Соответственно, наибольшего успеха в конкуренции — как внутри обществ, так и в глобальном масштабе — будут достигать творческие люди и коллективы, их количество станет максимальным, а сами они начнут играть наиболее значимую роль.

И все бы ничего — согласитесь, что предыдущий абзац звучит вполне невинно и политкорректно, если бы не общеизвестный медицинский факт: творческие люди по типу своей психологической организации, как правило, являются шизоидами.

Да, конечно, они не шизофреники — это совершенно разные вещи, но для творческого труда максимально приспособлен, скажем так, неуравновешенный тип личности. И простые статистические данные о характере и жизненном пути творческих людей в самых разных сферах общественной жизни это весьма убедительно подтверждают.

А теперь напомним, что ночной кошмар любого управленца — трудовой коллектив (если вообще не стая) шизоидов — станет в условиях недалекого будущего наиболее эффективным и наиболее конкурентоспособным!

Понятно, что сегодняшние системы управления, сформировавшиеся в прошлой реальности, в принципе не приспособлены для таких ситуаций — и потому кардинальным образом изменятся. Поскольку именно система управления непосредственно задает принципы организации человеческого общества, кардинальное изменение ее

характера будет означать и кардинальное изменение самого общества!

Но у проблемы есть и иная сторона.

Дело в том, что способности к творчеству в значительно большей степени, чем традиционно значимые для конкуренции внутри человеческого общества способности к обучению и формальной логике, определяются врожденными свойствами каждого из нас.

Конечно, их тоже можно развить, но в существенно меньшей степени, чем логические способности и умение оперировать теми или иными фактами.

Роль генетического фактора в способности к творчеству значительно выше социального — и значит, конкуренция людей между собой и социальный статус каждого из них в гораздо большей степени, чем раньше, будут определяться врожденными, не поддающимися сознательной коррекции факторами.

Снижение значения социальных факторов при росте значения факторов сугубо биологических для такого «общественного животного», каким является человек, означает принципиальное изменение самого его облика.

Противоречие между социальным статусом отдельного человека и его принадлежностью от рождения к той или иной социальной страте, с одной стороны, и его личными способностями, с другой, будет качественно усилено.

Понятно, что все силы общества окажутся брошены на пробуждение в детях творческих способностей, и на этом пути будут достигнуты, вероятно, фантастические, непредставимые для нас сегодня успехи, но суть изменения не вызывает сомнений: социальная конкуренция, социальный отбор будут вестись на базе биологических по своей сути параметров.

Отдельный человек в значительно меньшей степени, чем сегодня, будет «творцом своей судьбы».

Произойдет «биологизация» человеческого общества. Социальный статус молодого человека будет в основном определяться врожденной способностью (или неспособностью) к творчеству, а не богатством (или бедностью) его родителей.

Профессиональная специализация людей во многом начнет зависеть от сугубо биологических факторов, и человеческое общество начнет напоминать муравейник или другой коллектив насекомых, где место каждого определено от рождения, а значение собственной свободной воли значительно меньше, чем мы привыкли считать для себя достойным.

ПРИРОДА ПЕРЕФОРМАТИРУЕТ ОТНОШЕНИЯ С ЧЕЛОВЕКОМ. Безумный, вышедший из-под всякого контроля рост производных ценных бумаг, раздача заведомо безвозвратных ипотечных кредитов и многоуровневая «перепаковка рисков», ставшие непосредственными причинами глобального финансового кризиса, производят на неподготовленного наблюдателя шоковое впечатление.

В самом деле, трудно себе представить, почему инвестиционные банкиры не только в США, но и в большинстве развитых стран — здоровые, вполне рациональные, высокопрофессиональные и хорошо образованные люди — в принципе не могли оценить риски приобретаемых ими финансовых продуктов и даже не понимали, чьи конкретно обязательства и в какой степени в них входят.

Стандартные объяснения, помимо естественной для спекулянта (пусть даже и финансового) алчности, указывают на объективную потребность американской экономики в накачивании спекулятивного «финансового

пузыря» для стимулирования продолжения ее роста. Кроме того, понятно, что увеличение объема ипотеки (в том числе и даже в особенности безвозвратной) — замаскированный способ обеспечения социальной помощи, необходимой в условиях стремительного размывания, а говоря проще, разорения американского «среднего класса», и это при том, что американская идеология плохо воспринимает саму идею социальной помощи.

Подобные объяснения верны, но носят макроэкономический характер, объясняя общественную потребность в этих вопиющих безобразиях.

Между тем, помимо общественной потребности, существовала еще и потребность инвесторов, и вот эту причину кризиса, лежащую на микроуровне, т. е. уровне отдельных субъектов экономики, наблюдатели почему-то обычно не замечают.

Многоуровневая «перепаковка рисков», приведшая к полной утрате регулируемыми органами (не говоря уже о субъектах рынка) всякого контроля за обращающимися на рынках обязательствами, выполняла важнейшую экономическую функцию — страхование рисков инвесторов.

И на этом пути были достигнуты выдающиеся успехи: по данным проведенных исследований, благодаря многоуровневой системе деривативов риски инвестора, вкладывающего свои средства в первоклассные облигации американской корпорации, были на порядок — примерно в десять раз! — ниже рисков самой этой корпорации.

Это позволяло получать практически гарантированную доходность, и именно выполнение указанной инвестиционно необходимой функции обеспечило бурное развитие деривативов и, соответственно, раздувание спекулятивного «финансового пузыря».

США, а с ними и весь мир, так как американская экономика является основой мировой, столкнулись с действием закона сохранения рисков, по которому общая их величина в большой системе примерно постоянна. В результате снижение индивидуальных рисков значимого количества элементов этой системы неминуемо ведет к перекалыванию их на более высокий уровень и, соответственно, к нарастанию общесистемных рисков. В частности, сведение индивидуальных рисков к минимуму увеличивает общесистемные риски настолько, что, как правило, обеспечивает разрушение системы.

Именно это произошло в американской финансовой системе, но ведь то же самое происходит и с человечеством в целом!

Очень наглядный пример: постепенное улучшение системы здравоохранения, позволяет не просто выживать, но и жить полноценной жизнью даже самым больным людям, однако при этом неизбежно ухудшается генофонд человечества, существенно повышая системные, общечеловеческие риски за счет существенного снижения индивидуальных, личностных.

Ухудшение генофонда проявляется, в частности, в распространении новых болезней, не поддающихся не только лечению, но часто и диагностированию. Их список, помимо гепатитов С и Д, а также СПИДа, не так давно пополнил птичий грипп.

Весьма значимым с этой точки зрения представляется и рост смертности от онкологических заболеваний.

По данным исследователей из Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), уже к 2010 году основной причиной смерти людей станет рак, а к 2030-му число смертей от него может вырасти более чем вдвое. Специалисты ВОЗ считают,

что только в 2009 году число случаев заболевания раком составит в мире 12 млн, а количество смертей от данного недуга — 7 млн. К 2030 году ожидается, что ежегодное число случаев заболеваемости раком будет составлять 27 млн, а количество смертей от онкологических заболеваний достигнет 17 млн. Ежегодный прирост заболеваний и смертности от рака составит 1%, а в Китае, России и Индии данный показатель будет расти ускоренными темпами. Основной причиной такой ситуации считается увеличение количества курящих людей в развивающихся странах, особенно в Китае и Индии, где живут 40% всех курильщиков мира. Рак является одной из главных проблем развивающихся стран в области здравоохранения: в бедных обществах он убивает больше людей, чем СПИД, малярия и туберкулез.

Конечно, причиной роста заболеваемости раком отчасти является удлинение человеческой жизни.

Ведь еще в начале XX века главными причинами смерти были травмы и инфекционные заболевания, в том числе эпидемии и туберкулез, от которого умирал, в частности, каждый третий житель Петербурга. Когда эти причины смерти были побеждены медициной — дизентерию, холеру и тиф стали достаточно эффективно лечить, вакцину от туберкулеза прививать еще в роддоме, а об оспе и чуме начали вообще забывать, на первое место выдвинулись причины смерти, являющиеся как бы «естественными»: атеросклероз сосудов и злокачественные новообразования.

Многие исследователи даже считают, что эти два недуга просто представляют собой механизм «естественной смерти» для организма всякого млекопитающего — не только человека. Однако в развитых странах разработали методики вмешательства, в том числе и хирургические, позволившие

резко продлить жизнь человека, страдающего ишемической болезнью сердца, в результате чего на первое место в развитых странах выходит бывший «убийца номер два» — рак.

Грубо говоря, те, кому было суждено умереть от инфаркта и кто избежал этой участи благодаря медицине, теперь должны «дожить» до своей «второй естественной смерти» — от рака. То есть выход онкологических заболеваний на первое место среди убийц человечества вызван удлинением средней продолжительности жизни.

Но эта причина касается лишь развитых стран с их высокоэффективной медициной и системой профилактики, действительно позволяющей человеку избежать смерти от атеросклероза сосудов и с большей степенью вероятности «дожить» до рака. По крайней мере, в Индии и Китае говорить о подобных массовых достижениях здравоохранения пока еще рано, а значит данная гипотеза не объясняет основную часть прироста смертей от онкологических заболеваний, т. е. является второстепенной.

Другим фактором проявления «закона сохранения рисков» в общепланетарном масштабе представляется изменение климата. Сейчас уже ясно, что картина значительно сложнее вульгарного «глобального потепления», которым нас привыкли пугать: происходит именно изменение климата в различных регионах планеты: мягкий климат становится мягче, континентальный — континентальнее, и эта картина дополняется аномалиями вроде сильных холодов в традиционно теплых районах.

Обеспечивая индивидуальный комфорт отдельному индивидууму, человечество нарастило производство энергии до такого уровня, когда оно нарушило климатический баланс планеты и создало качественно новые глобальные риски, масштабы которых просто не поддаются оценке.

Рост стихийных бедствий и климатических аномалий, опережающий рост сложности технологической организации человечества, увеличение количества не поддающихся лечению или слабо диагностируемых заболеваний, ухудшение психологического состояния людей, падение качества управления, рост разнообразных вооруженных конфликтов — каждое из этих явлений имеет собственное объяснение, отличное от других и связанное исключительно с соответствующей сферой.

Однако в целом они складываются в картину роста неблагополучия, свидетельствующую об исчерпанности традиционной модели взаимодействия человечества с планетарным природным комплексом, частью которого оно является. А это означает начало перехода к какой-то новой модели такого взаимодействия, которая для нас еще непонятна, но может потребовать существенных изменений привычного нам образа жизни.

На фоне этого «ледяного холода истории», этих всеобъемлющих, только начинающих и потому до конца непонятных изменений, наши социально-экономические и даже политические проблемы производят впечатление не только чего-то не слишком значительного, но и привычного, домашнего, в чем-то даже уютного и умирительного.

Тем не менее для нас наиболее актуальными являются именно они, и влияние на них интересных и разнообразных глобальных процессов отнюдь не отменяет их абсолютной для нас приоритетности.